

П. В. АННЕНКОВ И «ОТЦЫ И ДЕТИ»

Творческая история романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» не раз изучалась исследователями, и не касаться роли П. В. Анненкова в ней, конечно, невозможно. Однако до сих пор история создания романа в связи с участием в ней Анненкова непосредственно не обсуждалась. Это и является темой настоящей статьи. Хотя придется повторить некоторые известные факты, данный угол зрения позволяет несколько иначе воспринимать работу Тургенева над его шедевром.

Из разных источников известно, что Тургенев начал работу над своим романом на острове Уайт, где летом 1860 года собралась маленькая колония русских и куда Тургенев приехал 31 июля (12 августа).¹ В письме к графине Ламберт от 6 (18) августа он сообщает, что «задумал новую большую повесть — что-то выдет?» (П₂.IV.227). Анненков приехал на о. Уайт 9 (21) августа. Возникает естественно вопрос: когда мог Анненков узнать об этой новой повести? Судя по всему, Тургенев ничего о ней своему другу не говорил, несмотря даже на то, что Анненков гостил именно у него.² Из воспоминаний Тургенева мы узнаем, что личность будущего главного героя ему порой казалась призрачной: «...ни в одном произведении нашей литературы я даже намека не встречал на то, что мне чудилось повсюду; поневоле возникло сомнение: уж не за призраком ли я гоняюсь?» (С.XIV.98). Сообщив «занимавшие» его «мысли» одному из русских на о. Уайт, Тургенев услышал поразившее его мнение: «...ты, кажется, уже представил подобный тип... в Рудине?» Это мнение на него так подействовало, пишет Тургенев, «что в течение нескольких недель я избегал всяких размышлений о затеянной мною работе». И в самом деле, он к ней вернулся только после того, как оказался опять во Франции, где, по его словам, «фабула понемногу сложилась в моей голове».³ Неизвестно, когда точно произошел поразивший Тургенева разговор, но

¹ Тургенев И. С. По поводу «Отцов и детей» // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Соч.: В 15 т. М.; Л., 1967. Т. XIV. С. 97; Тургенев И. С. Формулярный Список Действующих Лиц новой повести // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. М., 1986. Т. XII. С. 563. (Далее ссылки на оба издания приводятся в тексте с указанием индекса второго издания (С., С₂), серии (С., П.), тома и страницы). См. также: П₂.IV.225.

² Анненков знал из воспоминаний самого Тургенева, что «Отцов и детей» автор задумал на о. Уайт, и из того же источника знал даже о разговоре с «одним из русских», но в описании своего пребывания в Вентноре в собственных воспоминаниях он ничего не говорит о романе, а причины замалчивать разговор о будущем романе в этих воспоминаниях у него не могло быть. Анненков подробно описывает только другое начинание Тургенева того времени — проект программы Общества для распространения грамотности и первоначального образования (см.: Анненков П. В. Шесть лет переписки с И. С. Тургеневым. 1856—1862 // Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1989. С. 422—427).

³ С. XIV.98. Сравнительно недавно опубликованное «Краткое изложение Содержания новой повести» является изложением этой фабулы и носит помету «Куртавнелъ // Октябрь. 1860» (С₂.XII.571).

можно с уверенностью сказать, что это был разговор не с Анненковым — в первую очередь потому, что с Анненковым они не были на «ты».⁴ Вполне вероятно, что разговор состоялся до приезда Анненкова на о. Уайт. Видимо, Анненков узнал об «Отцах и детях» лишь из письма Тургенева к нему от 19 ноября (1 декабря) 1860 года, сообщавшего: «...[я] наконец серьезно принялся за свою новую повесть, которая размерами превзойдет „Накануне“» (П₂.IV.265).

На первый взгляд может показаться, что переписка Тургенева с Анненковым за период работы над романом не особенно богата сведениями о нем. В своих письмах Тургенев, казалось бы, преимущественно жаловался на то, как медленно продвигается его сочинение. Однако уже в подготовительных материалах к роману он прямо указывает на то, что намерен черпать их из писем своего друга. В его записях «Разные отдельные замечания и мысли» под № 2 стоит: «Всеобщая ненависть и презрение и клевета (из Анненковского письма)» (С₂.XII. 575). Речь идет о письме Анненкова от 29 декабря 1860 года (10 января 1861 года). Правда, трудно сказать, где в ткани романа отразилось именно это письмо, но в целом переписка Анненкова с Тургеневым позволяет нам проникнуть в творческую лабораторию автора. Переписка с Анненковым, конечно, не была единственной,⁵ но она дает нам, пожалуй, больше, чем переписка Тургенева с другими лицами, причем важны не только письма Тургенева к Анненкову, но и письма Анненкова к Тургеневу. По этим письмам можно проследить, какую трансформацию проходили простые реалии жизни, обретавшие в тексте романа идейный и психологический смысл. Так, например, описание нового имения А. А. Фета, которое Тургенев приводит в письме к Анненкову от 7 (19) июня 1861 года, напоминает описание имения Николая Петровича Кирсанова: «[Фет] приобрел себе (...) 200 десятин голой, безлесной, безводной земли с небольшим домом, который виднеется кругом на 5 верст и возле которого он вырыл пруд, который ушел, и посадил березки, которые не принялись...»

⁴ В то время на о. Уайт из всех русских В. П. Боткин оказался единственным, с кем Тургенев был на «ты» и о ком мог сказать, что он человек «одаренный весьма тонкими вкусами и весьма замечательной чуткостью на то, что покойный Аполлон Григорьев называл „веяньями“ эпохи» (С. XIV.98). С Н. Я. Ростовцевым, о котором, по утверждениям редакторов академического издания, могла идти речь (С. XIV.473), Тургенев встретился лишь в конце 1857-го — начале 1858 года в Риме и, следовательно, вряд ли был на «ты» (П₂.III.292). Утверждение В. Архипова, что «имя Боткина исключается, так как он понял идею романа» (Архипов В. К творческой истории романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» // Русская литература. 1958. № 1. С. 140), неубедительно. Из писем Тургенева известно, что Боткин понял Базарова на основе полного текста оконченного романа (см., например, П₂.V.61). Это не значит, что он верно разобрался в «едва народившемся, еще бродившем начале», о котором говорит Тургенев в своих воспоминаниях, тем более что даже автор «на первых порах сам не мог хорошенько отдать себе в нем отчета» (С. XIV.97). Предположение Архипова, что тут идет речь об Анненкове, исключается по вышеуказанной причине. Тургенев был еще на «ты» с Герценом, но Герцен не был на о. Уайт и, насколько можно судить, встречался с Тургеневым — как в Лондоне, так и в Борнмусе — в присутствии Анненкова.

⁵ Приведем всего один пример: письмо Тургенева к Фету от 27, 31 августа (8, 12 сентября) 1860 года, написанное частично в Куртавнеле. Цитата из Пушкина о равнодушной природе и о смерти, как и замечание о том, что «мы попали (...) в число (...) отставных майоров! (...) Пора уступать дорогу юношам» (П₂.IV.234), носит ясную связь с будущим романом. А если принять буквально утверждение Тургенева в этом письме, что «работ литературных никаких пока (курсив наш. — Н. Ж.) не предпринимаю», и совместить его с тем, что именно в Куртавнеле Тургенев разработал «Краткое изложение Содержание новой повести», то ясно видно, как у Тургенева зарождались мысли, идеи и образы, которые потом воплотились в художественном произведении.

(П₂.IV.340).⁶ В письме Тургенев просто сомневается в здравом смысле своего соседа по имению (напрасно, как оказалось впоследствии), а в романе недостатки нового хозяйственного строя, заведенного Николаем Петровичем, приобретают немаловажное идейное значение. Это подтверждается тем, что имя, как Тургенев подчеркнул уже в «Кратком изложении Содержания», должно быть убогим, но также и тем, что у Николая Петровича беседа, наоборот, «разрослась».⁷

В других местах переписка носит еще более очевидную психологическую связь с романом. Одно из объяснений, которое дает Тургенев в оправдание своей ссоры с Л. Н. Толстым, чуть ли не дошедшей до дуэли, иллюстрирует психологическое настроение действующих лиц «Отцов и детей». Отметим мимоходом интересную деталь — точка зрения Тургенева в письме совпадает с точкой зрения Базарова в романе: «...взрыв был (...) обусловлен нашей давнишней неприязнью и антипатией наших обоих натур. Я чувствовал, что он меня ненавидел и не понимал, почему он — нет-нет, и возвратится ко мне» (П₂.IV.340).

Другой пример: вскоре после того, как Тургенев в Спасском окончил роман, он жалуется Анненкову на современное состояние русской литературы словами, которые напоминают в романе слова обоих братьев Кирсановых поочередно: «Совершился какой-то наплыв бездарных и рьяных семинаров — и появилась новая, лающая и рыкающая литература. Что из этого выйдет — неизвестно, — но вот и мы попали в старое поколение, не понимающее новых дел и новых слов» (П₂.IV.358—359).⁸

Точно так же можно обнаружить в романе места, созвучные с письмами Анненкова к Тургеневу. Вернувшись в Петербург из-за границы, Анненков рьяно занялся делами недавно организованного Литературного фонда (он был членом Комитета этого фонда, как и Н. Г. Чернышевский). В письме к Тургеневу от 17 (29) сентября 1860 года Анненков писал, что он «захохотал, вспомнив голосок Чернышевского, который сделался еще тонее, свистящее и униженнее. Каким голосом произносил он в нашем Комитете: „Я бы осмелился предложить такую мысль“, — так и выразить нельзя».⁹ А в «Отцах и детях» мы читаем: «И такая надутая эта нынешняя молодежь! Спросишь инюго: какого вина вы хотите, красного или белого? „Я имею привычку предпочитать красное!“ — отвечает он басом и с таким важным лицом, как будто вся вселенная глядит на него в это мгновение...» (С.VIII.248—249).

Этот пример показателен: тут очень четко проявляются принципы, которым Тургенев следует при обработке реального материала. Подробности меняются (высокий голосок переходит в бас), но психологический образ остается тем же. Обращает на себя внимание и то, что все это вкладывается в уста Павла Петровича Кирсанова. Одной из характерных черт этого романа является осторожность, с которой Тургенев относился к речевой структуре произведения: важно не столько то, что сказано, а кем сказано. Причем повествователь скромнен и довольно скуп на высказывание своих суждений. Отсюда берет начало та объективность, о которой писал Тургенев в своей статье «По поводу „Отцов и детей“»; отсюда и та неопределенность отношения автора к своему герою, которая,

⁶ Ср. С.VIII.211.

⁷ «Имение это в новом вкусе; ферма. — Все еще очень плохо, ново, скрипит. В саду большие деревца, копанный пруд с солодковатой водой» (С₂.XII.571).

⁸ Ср. С.III.239 и 248.

⁹ Анненков П. В. Письма к И. С. Тургеневу // Труды Гос. б-ки им. Ленина. М., 1934. Вып. III. С. 97.

опять по Тургеневу, сбила читателей с толку;¹⁰ отсюда, в конечном итоге, идет и то разногласие во мнениях о Базарове, которое Анненков в первую очередь подчеркивает в письме, где он излагает свои впечатления от романа.¹¹

Исследователи давно заметили созвучие двух мест в романе с письмами Тургенева к Анненкову. В своем письме от 7 (19) января 1861 года Тургенев пишет: «На днях здесь проехал человеконенавидец Успенский (Николай) и обедал у меня. И он счел долгом бранить Пушкина, уверяя, что Пушкин во всех своих стихотворениях только и делал, что кричал: „на бой, на бой за святую Русь”» (П. IV. 280).¹² Подобные детали — штрихи, из которых составлялись не только характеры действующих лиц, но и идейная ткань романа, — могли долго храниться в подсознании Тургенева. В письме от 31 октября (12 ноября) 1857 года из Рима он писал Анненкову: «Сорокин кричит, что Рафаэль дрянь и „всё” дрянь, а сам чепуху пишет; знаем мы эту поганую расейскую замашку. Невежество их всех губит» (П. III. 267).¹³ Тут важно не случайное совпадение и даже не то, что в романе Тургенев вкладывает слова о художниках опять в уста Павла Петровича, идейного противника главного героя; важен более глубокий пласт ткани романа — пласт, показывающий идейную связь писателя со своим произведением. Всем известно, что в статье «По поводу „Отцов и детей”» Тургенев признался: «...вероятно, многие из моих читателей удивятся, если я скажу им, что за исключением воззрений Базарова на художества, — я разделяю почти все его убеждения» (С. XIV. 100—102).

Где в тексте романа можно обнаружить эстетические воззрения Тургенева, которые подтвердили бы это его утверждение? В чем заключается эстетическое *кredo* автора в этом романе, именно *кredo*, поскольку в мировоззрении Тургенева искусство занимало центральное место? При чем следует заметить множественное число у Тургенева: «воззрений Базарова на художества (курсив наш. — Н. Ж.)». Эстетические воззрения самого Тургенева, на наш взгляд, выражаются в крайне сжатой форме, «скорописью», или даже своего рода шифром — в первую очередь в выделении трех имен: Пушкина, которого читает Николай Петрович (и которого хорошо знает Аркадий¹⁴) и над которым издевается Базаров; Моцарта, которого при первой встрече Катя играет Аркадию (который Моцарта любит — и, следовательно, его знает¹⁵) в присутствии неинтересующихся Базарова и Одинцовой; и Рафаэля, который упоминается в связи с молодыми русскими художниками в Риме. Не случайно, что через двадцать лет Тургенев упомянет те же имена в своей пушкинской речи.¹⁶ А

¹⁰ С. XIV. 102—103.

¹¹ См. письмо от 17 (29) сентября 1860 года, которое цитируется ниже.

¹² Ср. С. VIII. 325—326: «Кстати, он, должно быть, в военной службе служил. — Пушкин никогда не был военным! — Помилуй, у него на каждой странице: На бой, на бой! за честь России!»

¹³ Ср. С. VIII. 247: «Мне сказали, что в Риме наши художники в Ватикан ни ногой. Рафаэля считают чуть не дураком, потому что это, мол, авторитет; а сами бессильны и бесплодны до гадости...»

¹⁴ См. С. VIII. 325—326.

¹⁵ См. С. VIII. 281.

¹⁶ С. XV. 69; см. также «Ответы Тургенева на вопросы, предложенные ему в 1869 и 1880 годах», где, под 1869 годом, среди любимых своих поэтов Тургенев называет Пушкина, а среди любимых композиторов — Моцарта. Тут, правда, своим любимым живописцем он называет Рембрандта (С. XII. 371), но его любовь к произведениям Рафаэля ясно выступает из упоминаний о Рафаэле в его письмах (см., например, письма к Анненкову и к Боткину из Италии конца 1857-го—начала 1858 года, П. III. 278 и 307, или письмо к М. А. Маркович от

то, что это сугубо личное эстетическое *кредо*, подтверждается еще одним, казалось бы незначительным, штрихом, а именно тем, что Николай Петрович играет на виолончели.¹⁷ Не один читатель, наверное, присоединился к удивлению Базарова по этому поводу: «— Помилуй! в сорок четыре года человек, *pater familias*, в ...м уезде — играет на виолончели!» (С.VIII.237). Конечно, не каждый читатель мог знать, что как раз виолончель являлась любимым инструментом самого Тургенева.¹⁸

Но есть еще один присутствующий в романе неотъемлемый элемент эстетического *кредо* самого автора — его взгляд на природу. Роль природы в этом романе, конечно, многозначна, но очень важное место, безусловно, занимает эстетическая сторона природы, т. е. те ее элементы, которые не имеют утилитарной пользы. Поэтому не случайно то, что в новом имении Николая Петровича «одна только беседка из сиреней и акаций порядочно разрослась» (С.VIII.211); не случайно то, что любовь Аркадия к Кате росла и расцвела — и его объяснение в любви произошло — на фоне богатого сада в Никольском, сада, в котором Анна Сергеевна училась у Базарова латинским названиям цветов, потому что «во всем нужен порядок» (С.VIII.282); не случайно и то, что поцелуй, ведущий к дуэли между Базаровым и Павлом Петровичем, начался с кокетничанья по поводу розы.¹⁹ А апофеозом «эстетической» природы является известная сцена в самом конце романа у могилы Базарова! У Базарова, как известно, есть ярко выраженное утилитарное понятие о природе: «Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник» (С.VIII.236). Последние слова романа служат неопровержимым утверждением представлений самого Тургенева о высочайшем значении природы, утверждением того, что природа сильнее и значительнее не только отдельного человека, но и всего человечества в целом: «Какое бы страстное, грешное, бунтующее сердце не скрылось в могиле, цветы, растущие на ней, безмятежно глядят на нас своими невинными глазами: не об одном вечном спокойствии говорят нам они, о том великом спокойствии „равнодушной“ природы; они говорят также о вечном примирении и о жизни бесконечной...» (С.VIII.402).

30 июля (11 августа) 1861 года Тургенев кончил свой роман и начал его переписывать.²⁰ Из-за быстроты, с которой писалась вторая часть, первоначальное намерение послать Анненкову первую часть романа из Спасского в Чирьково отпало.²¹ Тургенев решает оставить рукопись для

21 октября (2 ноября) 1859 года, в котором он ее просит от него поклониться «Сикстинской мадонне» Рафаэля, П2.IV.100). Соединение имен Моцарта и Рафаэля стало популярным между немецкими романтиками вскоре после смерти композитора.

¹⁷ Не случайно и то, что Николай Петрович играет Шуберта, другого любимого композитора Тургенева (С.VIII.236; см. С2.XII.371).

¹⁸ О Тургеневе и виолончели см.: *Василенко-Левитон М. Л.* Воспоминания о Тургеневе и о Полине Виардо // Советская музыка. 1951. № 7. С. 75—76.

¹⁹ Примеров можно было бы привести еще больше, но интересно заметить, что только отцу Базарова удалось в одном саду успешно и одновременно выращивать как «эстетические», так и полезные растения.

²⁰ В издании Анненкова письма Тургенева от 6 (18) августа 1861 года (может быть, из-за ошибки в прочтении подлинника, который сейчас утрачен) мы находим число «20 июля» как дату окончания романа (П2.IV.358). Во всех других источниках — в черновой рукописи романа (см.: *Freeborn Richard.* The Original Manuscript of «Ottsy i deti» («Fathers and Sons») // Slavonic and East European Review. 1989. Vol. 67. № 2. P. 244; *Никитина Н. С.* Черновая рукопись романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» // Русская литература. 1996. № 3. С. 40—41) и в дневнике автора, который он цитирует в статье «По поводу „Отцов и детей“», Тургенев отнес окончание романа именно к 30 июля (С.XIV.99), что, таким образом, надо считать соответствующим действительности.

²¹ См. П2.IV.340 и 351.

Анненкова в Москве и просит своего друга «*непременно*» написать ему «подробную критику в Париж — *poste restante*». И добавляет: «Так как у меня будет черновая тетрадь, то мне можно будет сделать нужные изменения...» (П₂.IV.358). Приехав в Москву, Анненков получил рукопись из редакции «Русского вестника» и, как он сам выразился, «в два дня проглотил роман», причем прочитала его также Г. А. Анненкова.²² Однако он не сразу изложил свое мнение автору. Из Москвы он вернулся в Петербург с женой, сыскал там новую квартиру и только 26 сентября (8 октября) наконец написал обширное письмо волнуемому Тургеневу.²³

О том, каким образом это письмо Анненкова повлияло на следующий этап работы над романом, писалось не раз — особенно с тех пор, как оно в первый раз было напечатано в тенденциозной статье В. Архипова, вызвавшей, как известно, настоящую бурю. К сожалению, как статья Архипова, так и возражения многих его противников слишком часто носили скорее идеологический, чем литературоведческий характер. Поэтому важно подвести некоторые итоги в связи с ролью Анненкова. Анненков, конечно, являлся далеко не единственным, от кого Тургенев получил отзывы о своем новом романе. Уже в своем ответе на первый отклик Анненкова Тургенев пишет, что с замечаниями своего друга он согласен, «тем более, что В. П. Боткин находит их справедливыми», и прибавляет, что Боткин «сделал мне тоже несколько дельных замечаний и расходится с Вами только в одном: ему лицо Анны Сергеевны мало нравится» (П₂.IV.371).

Письмо Анненкова, однако, сыграло центральную роль. Кроме того, на основе этого письма и тех изменений, которые внес Тургенев в свое произведение, можно получить четкое представление о той задаче, которую автор возлагал на своего друга и которую этот друг охотно принимал на себя. В письме к гр. Ламберт от 15 (27) июня 1861 года Тургенев ясно определяет свои чувства по окончании романа: «Теперь я сам никакого суждения о нем не могу иметь: я знаю, что я хочу сказать — но я решительно не знаю, сколько мне удалось высказать... Автор никогда не знает — в то время, как он показывает свои китайские тени — горит ли, погасла ли свечка в его фонаре. Сам-то он видит свои фигуры — а другим, может быть, представляется одна черная стена» (П₂.IV.346).²⁴ Отклики его друзей, между которыми Анненков занимал исключительно важное место, должны были дать Тургеневу ответ именно на этот вопрос. Прочитав письмо Анненкова, Тургенев сразу мог понять, где он, так сказать, попал в цель, а где дал промах. Изменения, которые он вносил в свой текст, имели целью исправить прицел; мишень не менялась. Этим объясняется кажущееся противоречие между тем, что Тургенев написал Анненкову: «Я сделал [в повести] большие перемены, сокращения и т. д. и в особенности *рабски* следовал Вашим указаниям, которые нашел справедливейшими» (П₂.V.10) — и замечанием Анненкова в своих воспоминаниях, будто Тургенев не придавал его отзывам какой-либо ценности: «Тургенев был доволен романом и не принимал в соображение замечаний, которые бы могли изменить физиономию лиц или расстроить план рома-

²² Анненков П. В. Литературные воспоминания. С. 449; письмо Анненкова к Тургеневу от 26 сентября (8 октября) (ИРЛИ. Ф. 7. № 8. Л. 5—8, об.).

²³ См. П₂.IV.374.

²⁴ В письме к Анненкову от 6 (18) августа 1861 года Тургенев повторяет ту же мысль: «Цель я, кажется, поставил себе верно, а попал ли в нее — Бог знает» (П₂.IV.358). См. также письмо к Анненкову от 10 (22) июля 1861 года: П₂.IV.351—352.

на».²⁵ На самом деле, на основе полученных замечаний Тургенев предпринял многослойную творческую работу в рамках неменявшейся задачи.

Критические замечания в письме Анненкова можно разделить на две темы. Одна касается Базарова, а другая — Анны Сергеевны Одинцовой. В каждой теме есть по одному центральному критическому пункту, а вокруг него несколько мелких деталей. Детали Тургенев изменял довольно охотно. Однако даже в кажущихся мелочах он не спешил согласиться с Анненковым. Остановимся сначала на Базарове. Анненков заметил, что «в одном из разговоров Базарова с Павлом Петровичем — один из них упоминает о Кавуре, цитирует прямо место из „Современника“». Он советует Тургеневу: «Это, мне кажется, надо переменить; так близко, обличительно подходить к специальному явлению жизни нельзя».²⁶ Это место Тургенев изъясил, причем, заметив, что здесь упоминается Пальмерстон, он изъясил также и второе место, где упоминался Пальмерстон.²⁷ Однако полностью отказаться от маленькой насмешки над «Современником» он явно не хотел. В замечании Анненкова было не важно, действительно ли ссылка на Кавура являлась прямой цитатой — сознательной или подсознательной — из «Современника»; важно было то, что осведомленному читателю вроде Анненкова она могла показаться цитатой. Причем не столь важен был сам намек на «Современник», как тот факт, что этот намек делает Базаров, который этим как бы терял некоторую самостоятельность. Итак, Тургенев, хотя и изъясил упоминание о Кавуре, ввел еще более непосредственный намек на «Современник», изменив в другом месте фамилию автора статьи об эмбриологии со «Скоропихова» на «Елисевича». Но этот намек Тургенев вложил в уста Кукшиной.²⁸

Если Тургенев так осторожно воспринимал кажущиеся мелочи, неудивительно, что перемены, которые он внес в ответ на важнейшие комментарии Анненкова, являлись творчески очень сложными. В целом Анненков высоко оценил Базарова — и он понял величие того, что создал Тургенев в этом образе: «...я (...) мысленно целую лоб Ваш за создание этого типа, который обнаруживает обыкновенное Ваше чутье общественных явлений и предназначен поучить, отрезвить, задуматься наше время, хотя, разумеется, оно все сие исполнит с некоторым упорством».

Однако Анненков сразу уловил, что у Базарова «два лица, как у Януса, и каждая партия будет видеть только тот фас, который ее наиболее тешит — или который она разобрать способна». С одной стороны, Базарова можно принять «за плодотворную (...) силу в будущем», а с другой — «за вонючий нарыв пустой цивилизации, от которого следует поскорее отделаться», и от этого «мнения о нем разнствуют». «Тем и другим вместе, — утверждал Анненков, — Базаров быть не может...» Анненков даже посчитал, что причиной этому является «нерешительное суждение автора» о его герое, и приписал всю беду отсутствию в Базарове «„жгучего, болезненного самолюбия“, отличающего все поколение нигилистов»: «Для того, чтоб выказать оборотную сторону этого характера, мало превосходной сцены с Аркадием у копны сена — надо, чтоб в Базарове по временам или когда-нибудь проскользнул и Ситников. (...) Делу, впрочем, пособить легко, если, сохраняя все презрение к Ситникову — он когда-нибудь заметит Аркадию, что Ситниковых надо беречь на

²⁵ Анненков П. В. Литературные воспоминания. С. 450.

²⁶ ИРЛИ. Ф. 7. № 8. Л. 5—8, об.

²⁷ С. VIII. 453 (247²⁴—25 и 245¹⁹).

²⁸ С. VIII. 454 (260²⁸). Фамилия Елисевиц не могла не напомнить читателям фамилию видного сотрудника «Современника» Г. З. Елисева.

основании правила, изложенного еще князем Воронцовым, который на жалобы о мерзостях какого-то исправника отвечал: „Я знаю, что он негодяй, но у него есть важное достоинство — он ко мне искренне привязан”». ²⁹

Анненков не сознавал того, что двойственное отношение Тургенева к главному его герою лежало в основе понимания автором типа Базарова, — Тургенев сам подтверждал это и в своих письмах, и в статье «По поводу „Отцов и детей”». ³⁰ Правда, и тут в мелочах следовать совету Анненкова было легко, и Тургенев ввел известную фразу об «олухах» Ситниковых и даже обширное замечание — вложив его опять в уста Павла Петровича — о монгольской или калмыцкой силе нигилистов в прямом соответствии с замечанием Анненкова, который видел в Базарове «такого же монгола, Чингис-хана и проч., каковы были и настоящие». ³¹ Тургенев даже, очевидно, соглашался с Анненковым насчет того, что самолюбие отличает нигилистов. ³² Он действительно прибавил штрихи, подчеркивающие самолюбие Базарова, но эти перемены в духе замечаний Анненкова происходят на фоне изменений, которые усиливают двойственное, противоречивое отношение автора к Базарову. С одной стороны, он исключил из реплик самого Базарова ряд фраз, которые «смягчают» его, делают его более «гуманным», ³³ а с другой — вложил в уста других действующих лиц как раз такие «смягчающие» высказывания. Например, перед сценой у копны сена Василий Иванович обсуждает с Аркадием бескорыстие своего сына. ³⁴ А тонкость, с которой Тургенев подходил к своей задаче, выявляется как раз в «превосходной сцене с Аркадием у копны сена», как ее назвал Анненков. Об этих переменах уже долго идут споры, будто они вводились Тургеневым под сильным внешним давлением, будто они не соответствовали его настоящим убеждениям. Двойная направленность этих перемен, однако, подтверждает целенаправленность переработки. Тургенев ввел целую серию штрихов, благодаря которым рельефно проявился возрастающий разрыв между Базаровым и Аркадием и одновременно подчеркивалось самолюбие главного героя: «— Ты нежная душа, размазня, где тебе ненавидеть!.. Ты робеешь, мало на себя надеешься... — А ты, — перебил Аркадий, — на себя надеешься? Ты высокого мнения о самом себе? Базаров помолчал. — Когда я встречу человека, который не спасовал бы передо мною, — проговорил он с расстановкой, — тогда я изменю свое мнение о самом себе. Ненавидеть!» ³⁵

Что касается портрета «превосходной Анны Сергеевны», то Тургенев его подверг гораздо более обширной обработке. Анненков находил, что «этот тип нарисован... так тонко, что вряд ли и уразумеют его вполне будущие судители», и указал на два конкретных момента, которые его

²⁹ ИРЛИ. Ф. 7. № 8. Л. 5—8, об.

³⁰ С. XIV. 103.

³¹ С. VIII. 303—304³⁹⁻⁹ и 463; С. VIII. 246 и 453; ИРЛИ. Ф. 7. № 8. Л. 5—8, об.

³² См. об этом: Жекулин Н. Г. Базаров и вопрос личности // И. С. Тургенев: Жизнь, творчество, традиции / Под ред. Ж. Зельдхейн-Деак и А. Холлош. Будапешт, 1994. С. 69—78.

³³ См., например, С. VIII. 470 (354³⁸: «Ему стало жаль Павла Петровича»); С. VIII. 475 (381²⁶⁻²⁷). Уже первый анализ черновой рукописи, сделанный Н. С. Никитиной, дает основание думать, что стремление к исключению «смягчающих» черт происходило на протяжении всей работы над романом (см.: Никитина Н. С. Свидетельствует рукопись... // Русская речь. 1990. № 2. С. 18—19).

³⁴ «...Другой на его месте тянул бы да тянул с своих родителей; а у нас, поверите ли? он отроду лишней копейки не взял, ей-Богу! — Он бескорыстный, честный человек, — заметил Аркадий. — Именно бескорыстный» (С. VIII. 320 и 465).

³⁵ С. VIII. 324—325 и 465.

не удовлетворяли. В ответ на замечание Анненкова, что сцена Одинцовой с Базаровым «после получения просьбы Аркадия на бракосоединение с Катей (...) уже просто невыносима», так как в ней «происходит говорение людей ради говорения и царствует какая-то противная, тепленькая и припахивающая психология», Тургенев сцену тут же целиком исключил.³⁶ Кроме того, он прибавил фразы совершенно в духе предложения Анненкова о «взаимной веселости разговаривающих, из которых один смеется от злобы, а другая от отчаяния...».³⁷ Но в XXV главу, «где у А(нны) С(ергеевны) в разговоре с Базаровым выражается новая ее покаторость в сторону Аркадия» и где «черты делаются (...) так мелки, что требуют сильной умственной лупы, которую не всякий обязан иметь — для уразумения их», Тургенев прибавил всего одну фразу, в которой лишь повторяется мысль Базарова о том, что Одинцова «хитрит».³⁸ Однако Тургенев, очевидно, считая замечания Анненкова о некоторой нечеткости эмоционального образа Анны Сергеевны не лишенными основания и внес несколько изменений, относящихся к осмыслению чувств, которые вызывал Аркадий в Одинцовой. Но он их внес в следующую главу — в сцену «после получения просьбы Аркадия на бракосоединение с Катей».³⁹ Таким образом, эти чувства обсуждались на фоне главной темы — отношений между Одинцовой и Базаровым — вместо того, чтобы отвлекать от нее. Психологическая тонкость свойственна той обширной переработке, которой подвергся портрет Одинцовой вообще и описание отношений между ней и Базаровым в частности.

На первый взгляд может показаться, что эти перемены шли вразрез с замечанием Анненкова о неясности портрета Одинцовой. Так, например, в главах XV и XVI, где происходят первые встречи Базарова с Одинцовой, Тургенев исключает как повествовательные комментарии о характере Одинцовой,⁴⁰ так и все обсуждения, раскрывающие то впечатление, которое эти герои произвели друг на друга.⁴¹ В главе XVI Тургенев также исключает ряд моментов, в которых довольно точно определялись противоположные взгляды на мир Одинцовой и Базарова.⁴² Даже подводя первые итоги в вечер после приезда Базарова и Аркадия в Никольское, Тургенев сократил рассуждения Одинцовой о Базарове. А за этими изменениями следует обширное *авторское* описание противоречивого характера Анны Сергеевны, построенное на обилии отрицательных частиц и противительного союза «но».⁴³ Комментарий Анненкова, другими сло-

³⁶ ИРЛИ. Ф. 7. № 8. Л. 5—8, об; С.VIII.474 (4794—5).

³⁷ См. С.VIII.474 (378³⁸ и 378—379³⁹—1).

³⁸ «А вперед не хитри», — прибавил он про себя» (С.VIII.472 (373¹³—14); см. также С. VIII.373¹—2).

³⁹ См. С.VIII.474—475 (исключения 378³⁵ и 379¹⁸; прибавление 379⁶—9).

⁴⁰ См., например, С.VIII.456—457 (271¹⁷—19, 271³³, 272¹⁰ и 272²³).

⁴¹ См., например, С.VIII.457 (271³³; 272³⁵), 459 (282²⁵—26, 462 (297³⁵—36) и 462 (298). Вообще относительно Одинцовой Тургенев прибавляет указания на отсутствие у нее эмоциональности (С.VIII.459 (283¹⁰—11) и 463 (300¹⁷—21)), в то время как сама Одинцова отрицает это (С.VIII.462 (297³⁵—36 и 298³³—34)). Что касается Базарова, то Тургенев усиливает кажущееся его равнодушие (см. С.VIII.457 (272³⁵) и 458 (277³⁵—39)) и исключает прямые указания на то, что Базаров увлекся, даже «влюбился» в Одинцову (см., например, С.VIII.463 (305³⁶, где даже пришлось исключить ссылку на самолюбие Базарова!); 469 (370⁷—8)). То же, когда Базаров приезжает в Никольское после поединка: «...беседа у них завязалась такая, как будто они совершенно поверили друг другу», что любовь «чувство напускное» (С.VIII.372). Лишь в сцене после просьбы Аркадия «на бракосоединение с Катей» Одинцова признается в том, что Базаров ее любил (С.VIII.476 (379³⁴—35)).

⁴² См. С.VIII.457—458 (277⁷—8, 277²³, 277³⁴ и 278⁹—10).

⁴³ См. С.VIII.459 (282²⁵—26) и 459 (282—83²⁹—19). Ср. второе авторское резюме в конце главы XVIII, после их столкновения (С.VIII.463 (300¹⁷—21)).

вами, показал Тургеневу, что там, где он хотел изобразить некоторую таинственность, Анненков увидел всего лишь тонкость японской табакерки, «где заключены миниатюрные деревца с плодами, прудики и лодочки»; следовательно, требовалась довольно обширная обработка. «...Мне кажется, — писал Тургенев Анненкову, — я вижу как и что надо сделать, чтобы привести всю штуку в надлежащее равновесие» (П₂.IV.371), и введенные перемены показывают, что Тургенев действительно понял, «как и что надо сделать».⁴⁴

В письме Анненкова есть, однако, еще один очень важный элемент. Анненков хорошо знал склонность Тургенева сомневаться в себе и прислушиваться к отрицательным мнениям о своих произведениях. Поэтому его письмо изобилует в первую очередь одобрениями и похвалами роману, вроде: «...поздравляю с прекрасной повестью, которая свидетельствует, что автор еще в полном обладании творческих сил, и для меня это было всего важнее узнать». Он даже не считал лишним прямо опровергнуть критические замечания графини Ламберт, которой, как он узнал, роман не понравился, а к мнению которой Тургенев прислушивался. Хотя Анненков свои замечания высказал откровенно, он не настаивал на них, как явствует из его заключительных слов о романе: «Затем, кажется, я добросовестно исполнил задачу, возложенную на меня — и желал бы знать, насколько разделяете Вы сами мои суждения, далеко не неопровержимые».⁴⁵

Роль Анненкова не окончилась на том, что он послал автору свои комментарии. Он служил посредником между Тургеневым и Катковым по вопросам издания: через него шла одна из копий изменений, с ним обсуждалась необходимость отсрочки публикации романа в связи с напряженными политическими событиями в России в конце 1861 года, и, важнее всего для Тургенева, Анненкову поручено было отговорить Каткова от издания романа в двух частях и двух номерах журнала.⁴⁶ Кроме того, как известно из письма Н. В. Щербаня, Анненков играл важную роль в решении исключить эпиграф.⁴⁷

А с выходом романа перед Анненковым были поставлены новые задачи. Именно от Анненкова автор ожидал известия о том, какое впечатление производит роман. Тургенев знал, что он и в этом отношении может полагаться на «энциклопедически-панорамическое перо» (П₂.IV.293) своего друга, который лучше кого бы то ни было улавливал дух любого явления. С некоторым, правда, опозданием,⁴⁸ 15 (27) марта 1862 года, Анненков сообщает Тургеневу, что роман «получает гораздо более успеха, чем Вы ожидали. Есть просто энтузиасты его и притом из молодых людей,

⁴⁴ То, что Тургенев действительно стремился к большей таинственности в этом портрете, подтверждается еще и тем, что чувства Одинцовой наиболее недвусмысленно определяются в самом раннем источнике — в «Кратком изложении Содержания новой повести», где, например, прямо сказано: «Она признается Б(азаров)у, что полюбила Аркадия» (П₂.XII.574). Основы образа, однако, не изменились, а следовательно, те поправки, которые ввел Тургенев, едва могли удовлетворить Боткина. Таким образом, можно опять утверждать, что в этих изменениях Тургенев исходил в первую очередь из замечаний Анненкова.

⁴⁵ ИРЛИ. Ф. 7. № 8. Л. 5—8, об.

⁴⁶ См. письмо Анненкова от 3 (15) февраля 1862 года (ИРЛИ. Ф. 7. № 8. Л. 18—19); П₂.IV.374 и ответ на него Анненкова от 22 октября (3 ноября) 1861 года (ИРЛИ. Ф. 7. № 8. Л. 9—10, об.); Анненков П. В. Литературные воспоминания. С. 450.

⁴⁷ См. С. VIII. 576—577.

⁴⁸ Второй номер «Русского вестника» за 1862 год вышел в самом начале марта (см.: Клеман М. К. Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева. М., 1934. С. 131).

как есть недовольные им и по большей части из людей степенных и пожилых». Он предвидел появление разных, в том числе и враждебных, откликов: «...между молодежью отыщутся и лютые враги романа, как теперь на виду его поклонники, а пожилые вечно пребудут к нему в одинаковых доброжелательно-хладнокровных отношениях. Клика „Современника“ еще не высказалась по поводу него, заглушаемая покамест общим говором приветствия, с каким все Ваши романы встречаются». Анненков понимал, что наибольшие разногласия вызовет характер Базарова: «Сам герой однакож, сколько я не слышал отзывов, остается для всех сфинксом и загадкой: его никто не понимает целостно, а только по частям...»

Но Анненков также понимал, что последнее слово еще не сказано: «...это, вероятно, останется до первой рьяной критики, которая и повернет общее представление в какую будет угодно ей сторону».⁴⁹ «Рьяной критикой» оказалась, конечно, появившаяся в «Современнике» статья Антоновича «Асмодей нашего времени». В ответ на эту статью Анненкову пришлось опять ободрить автора в письме от 24 апреля (6 мая) 1862 года: «Вы трудно поверите, сколько друзей Ваших обнаружила ругательная статья Антоновича. Можно сказать — мир Ваш друг — и поведение этого друга и любопытно видеть».⁵⁰

Возникает еще один вопрос: почему Анненков сам не написал критическую статью об этом романе? Окончательного ответа на него переписка Анненкова с Тургеневым не дает. Однако в переписке сказалась душевная и моральная усталость Анненкова после всех событий в Петербурге и России в 1861-м—начале 1862 года. Усталость вместе с отвратительной погодой заставили его бежать из Петербурга на Украину, в имение овдовевшей свояченицы.⁵¹ Кроме того, политическая обстановка не могла не отразиться и на судьбе «Отцов и детей», о чем Анненков не раз писал Тургеневу, утверждая, что в такой обстановке «тяжело, согласитесь, жить какому бы ни было роману».⁵² А критика в такой момент могла или пройти незамеченной, или еще больше воспламенить общественное мнение. Но помимо того, совершенно ясно, что у Анненкова, как и у Тургенева, в данный момент просто не было вполне «симпатичного» ему журнального органа, куда можно было бы помещать свои статьи; Анненков в это время себя прямо назвал «литературным сиротой».⁵³

«До сих пор Базарова совершенно поняли, т. е. поняли мои намерения, только два человека — Достоевский и Боткин». Так писал Тургенев

⁴⁹ ИРЛИ. Ф. 7. № 8. Л. 23—24, об.

⁵⁰ Там же. Л. 27—28, об.

⁵¹ Письма от 15 (27) марта и 7 (19) апреля 1862 года (ИРЛИ. Ф. 7. № 8. Л. 23—24, об. и 25—25, об.).

⁵² Письмо от 15 (27) марта 1862 года (Там же. Л. 23—24, об.).

⁵³ Этим объясняется энтузиазм, с которым в 1862 году Анненков принял назначение В. Ф. Корша редактором «Санкт-Петербургских ведомостей» и уговаривал Тургенева принимать участие в газете: «Иметь под рукой у себя честную газету для всякой заметки — политического, общественного и литературного содержания, какая голову потревожит — есть дело, которым ни один порядочный человек в Европе не пренебрег бы. Вот почему ничего не предпринимая самостоятельно — я полагал бы, что Вам (и мне, и вообще теперешним литературным сиротам, нам подобным) следует заявить Коршу — словом и делом готовность работать в его газете» (письмо от 24 апреля (6 мая) 1862 года. ИРЛИ. Ф. 7. № 8. Л. 27—28, об.); «Помните, Вы мне говорили, что журнал, где бы наш круг числился сотрудником — будет иметь Ваши симпатии. Докажите это на деле. Напишите хоть восхождение солнца в Бадене — все будет хорошо из Ваших рук» (письмо от 24 октября (5 ноября) 1862 года. Там же. Л. 31—32, об.).

К. К. Случевскому.⁵⁴ Из этого, естественно, вытекает, что Анненков не понимал Базарова «совершенно». Это подтверждается еще и тем, что, повторяем, уловив двойственность отношения автора к Базарову, Анненков не сумел постичь, что именно такая двойственность была Тургеневу не только нужна,⁵⁵ но глубоко свойственна его личному отношению к собственному герою. Это, однако, не означает, что Анненков «Отцов и детей» не понимал в целом. С первого же чтения романа в рукописи он осознал как эстетическую ценность, так и общественную важность этого произведения. И его мнение о романе осталось удивительно устойчивым. Еще в первом своем отзыве он писал: «Итак, повесть эта по изложению и отделке есть вещь мастерская, превосходящая внешней формой, по моему мнению, все писанное автором доселе. (...) Шуму будет она делать много — этого ожидайте. Она поднимает вопрос не о таланте и художественном достоинстве, а о том, историк ли ее автор или коновод партии. Серьезные писатели всегда рождали подобные вопросы у современников, и такого рода споры вокруг известного имени всегда доказывают значительность и важность этого имени».⁵⁶ После появления романа в печати он снова писал автору: «Писателем-романистом быть хорошо, но кинуть в публику нечто вроде нравственного масштаба, на который все себя примеривают, ругаясь на градусы, показываемые масштабом, и равно злясь, когда градус мал и когда велик, — это значит добраться через роман до публичной проповеди. А это, я полагаю, — последнее и высшее звено всякого творчества».⁵⁷ А в своих воспоминаниях, напечатанных уже после смерти Тургенева, Анненков прямо называет роман лучшим и совершеннейшим из всех произведений Тургенева и считает, что роман явился «художественн(ым) отражение(м) целой эпохи, которое всегда вызывает... упрёки и недоразумения».⁵⁸ Такая высокая оценка «Отцов и детей» подтвердилась и продолжает подтверждаться в наши дни.

Дошедшие до нас документальные сведения, в частности переписка Анненкова с Тургеневым за весь период создания и издания романа, служат важным источником понимания места Анненкова как литературного советника Тургенева. Главная роль Анненкова заключалась в том, что он был для Тургенева очень чутким и опытным читателем нового произведения на предпоследнем этапе творческой работы — на этапе между черновым и беловым автографами, т. е. подготовки уже законченного произведения к печати. Анненков никогда не забывал об эстетической стороне художественного произведения, но вместе с тем отлично понимал, что художественное произведение всегда «действует» (и должно «действовать») в общественной среде. Причем важно было и то, что ни эстетические, ни общественные взгляды Анненкова не противоречили взглядам Тургенева, даже если они не были тождественны. И хотя Анненков всегда с величайшим сочувствием относился к произведениям Тургенева (ему в своем большинстве они, очевидно, по-настоящему нравились), это не мешало критике искренне и откровенно выражать свое мнение. На основе замечаний Анненкова Тургенев сразу мог понять,

⁵⁴ П2. V. 59.

⁵⁵ Ср. его письмо к А. И. Герцену от 10 (22) апреля 1862 года: «Штука была бы не важная представить его — идеалом; а сделать его волком и все-таки оправдывать его — это было трудно; и в этом я, вероятно, не успел» (П2. V. 50).

⁵⁶ ИРЛИ. Ф. 7. № 8. Л. 5—8, об.

⁵⁷ Письмо от 19 июня (1 июля) 1862 года (Там же. Л. 29—30, об.).

⁵⁸ Анненков П. В. Литературные воспоминания. С. 451 и 452.

«насколько [ему] удалось высказать» то, что он именно хотел высказать, и, что было еще важнее, где он в цель *не* попал, и, следовательно, какие он должен был внести изменения. Кроме того — и может быть, сам Тургенев не совсем или не вполне осознавал это — Анненков отлично чувствовал недоверие автора к новому детищу и считал своей обязанностью ободрять друга. Вот откуда та уверенность, впрочем тоже вполне искренняя, с которой он отзывался о достоинствах нового произведения на каждом этапе. В конечном итоге, роль, которую Анненков даже с радостью принимал на себя, требовала проницательности и глубокого понимания как нового произведения, так и автора. Неудивительно, что для Тургенева отклик Анненкова был таким важным. В данном случае можно утверждать, что Анненков исполнил свое назначение не только «добросовестно», как он сам выразился, но блестящим образом, одновременно скромно и усердно.⁵⁹

⁵⁹ Таким образом подтверждаются наши заключения о роли Анненкова — советника Тургенева в связи с романом «Новь» (см.: *Žekulin Nicholas G. Pavel Annenkov conseiller littéraire de Tourguéniev: Le cas de «Terres Vierges»* // *Revue d'Etudes Slaves*. 1985. LIX. № 4. P. 753—766).

Русская литература

1

1998

Санкт-Петербург
«НАУКА»

